

И. С. КАЦНЕЛЬСОН, Напата и Мероэ — древние царства Судана, М., 1970, 452 стр., 2 карты.

Перед нами работа о древней стране Куш, лежащей на Ниле к югу от Египта, о государствах кушитов Напата (VIII—V вв. до н. э.) и Мероэ (IV в. до н. э.—IV в. н. э.). Напата и Мероэ, государства высокой и своеобразной культуры, принимали активное участие в политической истории Египта и Ближнего Востока, внесли известный вклад в античную цивилизацию. Это одна сторона истории Куша. Другая же состоит в том, что страна эта была африканская, уходящая истоками в Черную Африку и неразрывно связанная с нею. Для Африки к югу от Сахары Напата, а потом и Мероэ были одними из очагов распространения экономического прогресса. Положение Куша, как связывающего звена классического Средиземноморья и Черной Африки, придает изучению истории этой страны исключительный интерес. Настоящая рецензия написана африканистом и соответственно обращена к «африканской» стороне Куша.

Первые попытки проследить исторические судьбы Куша относятся к началу нашего века, когда археологическое изучение его территории только началось и в распоряжении исследователей были практически лишь письменные источники. Сооружение первой, а затем и второй Асуанских плотин привлекло внимание к археологическим памятникам Нубии (Южного Египта и Северного Судана). В наши дни накоплено

огромное количество материала, выявлены и опубликованы важнейшие тексты, собраны демотические и греческие граффити. Это побудило многих ученых заняться изучением добытых сведений. В 50—60-х годах появились многочисленные статьи и даже монографии. Однако все они рассматривают частные вопросы, или определенные периоды истории Куша, или Куш как один из этапов истории Судана, или, наконец, дают популярный, обычно иллюстрированный очерк. Рецензируемая работа представляет, таким образом, первый опыт изучения социально-экономической и политической истории царства Напата и Мероэ на всем протяжении их существования.

Работа построена на комплексном использовании письменных, археологических, этнографических источников. Привлекается такой своеобразный источник, как устная историческая традиция народов Судана, записанная уже в наше время. Подбору и анализу источников уделено очень большое внимание. Из девяти глав книги — три историко-ведческие.

В главе I («Надписи как источник истории Напаты и Мероэ») характеризуются египетскоязычные анналы царей Куша, мероитские иероглифические и курсивные стелы и надписи, греческие демотические граффити, победные реликвии царей Аксума (Северная Эфиопия). В эту же группу памятников автор включает греческий папирус, содержащий сведения по истории Куша, и латинскую надпись на камне, обнаруженную в Куше. Эти источники далеко не

¹ W. M. Miller, *Aethiopian*, Lpz, 1904; E. A. W. Budge, *The Egyptian Sudan*, L., 1907.

равноценны. Наибольшее внимание, естественно, привлекают именно местные памятники. Но мероитский язык еще не расшифрован. Поэтому наиболее значительными представляются египетско-язычные анналы царей Куша, принадлежащие главным образом представителям династии, правившей одновременно и в Египте (25-я «Эфподская» династия). К важнейшим источникам этой группы относятся и реляция Эзаны, составленная но-гречески, местами с параллельным текстом на геэз. В ней освещаются обстоятельства, связанные, как полагают, с гибелью Мероитского царства.

В главе II («Античные авторы о Куше») автор прослеживает, какие сведения о Куше можно выявить в трудах греческих и римских историков и географов, а в отдельных случаях — и в произведениях античной художественной литературы.

Упоминания о Куше («Нильской Эфиопии») встречаются уже в «Илиаде» и «Одиссее», но первые достоверные сведения дает Геродот. Затем рассматриваются отрывки из несохранившихся в целом сочинений путешественников, историков и географов первых двух веков эпохи эллинизма, писавших о Куше или даже побывавших там. Завершает главу анализ романа Геллиодора «Эфиопика». Как показывает И. С. Кацнельсон, географические познания античных авторов о Куше намного превосходят полноту и точность их осведомленности в области истории. Но только эти источники рассказывают о быте, нравах и общественном укладе кушитских племен, только они сохранили некоторые факты, позволяющие определить ряд характерных черт социально-экономического строя Мероитского царства.

Столь же тщательно собран материал в следующей источниковедческой главе — «Археологические исследования в Нубии и Судане». Здесь приводятся сведения о первых европейских путешественниках, проникавших с конца XVII в. в районы Куша и оставивших описания и зарисовки древностей, об археологических раскопках и разведках, проводившихся на этой территории. Дается краткая характеристика основных этапов археологического изучения царств Напаты и Мероэ и подводятся итоги результатам работ важнейших экспедиций, занимавшихся в той или иной степени исследованием изучаемого периода истории древнего Судана.

Следующий за источниковедческими главами сравнительно небольшой обзор историографии царств Напаты и Мероэ (глава IV) отмечает важнейшие вехи в разработке истории Куша.

Историческая часть монографии начинается с краткой главы «Страна: ее

название, границы, население», т. е. с установления предмета исследования.

Автор приходит к выводу, что границы Куша в общем совпадают с представлением древних греков о границах «Нильской Эфиопии»; название же «Нубия», под которым Куш фигурирует в более позднее время, появилось только в X в. и обозначало Северный Судан. Автор вполне обоснованно считает, что применение названия Нубии к Кушу неправомерно, так как искажает историческую и географическую перенективу.

Переходя к вопросу о населении Куша (стр. 112—115), автор отмечает, что весьма трудно определить его этнический характер. Действительно, в распоряжении исследователей имеется весьма небольшое количество проанализированных палеоантропологических находок и изображений правителей Напаты и Мероэ, причем значительная часть последних сделана египетскими мастерами, так сказать, «за глаза», по трафарету обычных изображений египетских фараонов. Такое отсутствие данных для решения вопроса об этническом характере населения Куша и ставило, видимо, автора обратиться к материалу лингвистики и археологии. Однако привлечение этих материалов не может быть признано правомерным: при таком подходе неизбежно отождествление понятий языка, расы и археологической культуры, а между тем факты, охватываемые этими понятиями, далеко не всегда совпадают.

Именно суданская географическая зона (пояс между краем пустыни и тропическим лесом) дает, в частности, массу примеров такого несоответствия. Так, негры хауса (свыше 10 млн. человек), живущие главным образом в Северной Нигерии и Южном Нигере среди типично негрских народов и языков, говорят на языке семито-хамитской (афро-азиатской — по Дж. Гринбергу) семьи. А расселившиеся по всей северосуданской зоне «западные эфиопы» фульбе (свыше 8 млн. человек) говорят на языке семьи Нигер — Конго². Относительно неидентичности расы ил языка с археологической культурой и говорить не приходится.

Касаясь расовой принадлежности кушитов, автор привлекает их изображение, которые трактует разноречиво (как

² L. Pales et M. Tassin de Saint Perouse, *Raciologie comparative des populations de l'Afrique occidentale*. *Stature, indice cormique, indice cephalique*, «Bulletin et memoires de la Societe d'anthropologie de Paris», X sér., 1953, t. 4, fasc. 3—4, стр. 185—497; J. H. Greenberg, *Studies in African Linguistic Classification: the Classifications of Fulani*, «Southwestern Journal of Anthropology», Albuquerque, 1949, 2, стр. 190—198.

в этой главе, так и в других местах — см. стр. 99, 173—174, 202, 234, 250—251). То же в отношении определений, данных кушитами другими народами. Так, в языке племен беджа (восточных соседей кушитов, доживших на своей территории до наших дней) слово *kisya* означает «негр». Автор считает, что «если это не случайное совпадение (с такой возможностью приходится считаться), оно могло появиться и гораздо позднее, когда мероитский язык вышел из употребления» (стр. 113). В то же время название «черные ноба»³ автор понимает буквально (стр. 251 сл.). А если они в отличие от «красных ноба» (тоже ноба!) просто носили черную одежду (ср. скифов-меланхленов Геродота)? Очевидно, в этом вопросе следовало прежде всего руководствоваться данными палеоантропологии, а автор прибегает только к одному специальному исследованию по этому вопросу, да и то не в этой главе (стр. 240). В результате автор так и не приходит к определенному мнению об этнической или расовой принадлежности кушитов.

Следует сказать по этому поводу, что, хотя работа была завершена автором в середине 1966 г. и за последующие пять лет было опубликовано много новых материалов, ответить на этот вопрос окончательно все еще невозможно. Явно негройдные черты лиц правителей Куша: Тахарки, Эсанхурета, Кашты и фараонов XXV династии (стр. 113, 127, 130), запечатленных с натуры египетскими художниками, рельефы из царского некрополя Мероэ и храма львиного бога Апедемака в Нагаа (стр. 127), палеоантропологическое исследование отдельных мероитских некрополей⁴ свидетельствуют в пользу гипотезы принадлежности основной массы населения Куша к негрской расе. Полную ясность в этот вопрос может внести только анализ массового палеоантропологического материала.

Глава VI («Куш с VIII в. до н. э. до середины IV в. н. э.») содержит очерк политической истории государства Напаты и сменившего его государства Мероэ. Предложенная автором периодизация основана на выделении следующих четко различимых периодов в истории населения страны.

1. Время формирования и становления Напатского царства (X — середина VIII в. до н. э.).
2. Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство (середина VIII — VII вв. до н. э.).
3. Напатское царство (середина VII — VI вв. до н. э.).
4. Мероитское царство. Первый пе-

риод. Возвышение и расцвет (VI — конец I в. до н. э.).

5. Мероитское царство. Второй период. Начало упадка и гибель (конец I в. до н. э. — середина IV в.).

В основу периодизации положена схема Райзнера, который на основании изучения пирамид царских некрополей Напаты и Мероэ насчитал 67 поколений кушитских царей. Эта схема была дополнена и уточнена впоследствии Д. Данхемом, исправлена Ф. Хинце, С. Венигом и автором рецензируемой работы.

Становление первого кушитского государства, отмечает И. С. Кацнельсон, происходило в период ослабления Египта. Возвышение имени Напаты объясняется всем предшествующим развитием этой области. К тому же земля была плодородной и ее было достаточно, чтобы обеспечить потребности местного населения, — весьма существенное обстоятельство в условиях уже прогрессирующей в это время засухи и образования Восточной Сахары. Географическое положение Напаты — в начале караванного пути, шедшего на юг и сирямлявшего большую излучину Нила с его опасными порогами, а также нахождение здесь общей святыни Куша — храма Амона — способствовало, очевидно, возвышению правителя Напаты над всеми остальными вождями.

Вероятно, известное влияние при объединении страны оказало воздействие египетской государственности. Однако, последовательно анализируя гипотезы о фиванском и ливийском происхождении напатской династии, автор показывает, что они не имеют под собой никаких твердых оснований. В то же время данные археологии, анализ имен кушитских царей, анализ дошедших до нас надписей полностью подтверждают точку зрения И. С. Кацнельсона о местном происхождении царей Куша.

Процесс объединения Куша вокруг Напаты завершился при Каште, впервые принявшем царскую титулатуру и впервые же посягнувшем на Египет. Время его правления относится ко второй четверти VIII в. до н. э. Сохранившееся изображение лица Кашты дает негроидный тип, очень сходный с изображениями других царей Напаты, владевших Египтом и правивших обоими странами. У Манефона этот период назван XXV (Эфиопской) династией. Он упоминает только трех царей. В действительности же, как показывает автор, привлекая другие источники, их было пять и правили они в общем почти в течение целого века.

Для мероитского периода автор на материале аналов царей Мероэ проследивает постепенное ослабление политических и культурных связей с Египтом. В то же время Куш, хотя и не непосредственно, втягивается в жизнь эллинистического мира. К тому же периоду, как

³ Ноба — западные соседи кушитов.

⁴ Aksha III. См. M.-Cl. Chamla, La population des cimetières méroïtiques. Etude anthropologique, P., 1967.

указывает автор, относится установление связей с Индией, откуда в Мероэ попал хлопок и откуда распространились вещи, верования и представления, совершенно необычные для Африки. Последние нашли отражение, в частности, в храмовых постройках Нагаа и Мусаварат-эс-Суфра, где открыты изображения трехлового и четырехрукого божества, царя верхом на слоне и т. п. Полная подборка этих материалов, впервые, как и многое другое, сделанная на страницах монографии, позволяет исключить элемент случайности. Доклад Е. С. Семки «Мероэ и Индия», прочитанный 19 февраля 1971 г. на заседании Проблемной группы по мероитике (Ленинград), показал, что по отношению к вышеупомянутым храмовым постройкам Мероэ речь должна идти не о каких-то отдельных индийских элементах, а о целом комплексе идей и представлений, связанных с культом воды и выраженных в чисто индийской манере⁵. В связи со всем этим следует считать, что в первые века н. э. уже существовали постоянные мероитско-индийские связи, начало которых, вероятно, следует отнести еще ко времени правления царя Апоки (274—236 гг. до н. э.)⁶.

В связи с последними археологическими находками в Мероэ⁷ можно высказать предположение, что в описываемый период происходит также становление отношений с Китаем.

Таким образом, данные, появившиеся уже после написания книги, подтверждают мысль автора, что мероитский период истории Куша был временем наивысшего расцвета политической, экономической и культурной жизни. Могущество Мероитского царства предопределило расцвет его высокой и своеобразной культуры, оказавшей влияние на античную цивилизацию.

Начало упадка Мероитского царства автор связывает с римским завоеванием Египта. Последовавшее в начале II в. перемещение торговых путей с Нила на Красное море, конкуренция быстро развивающегося Аксумского царства, развившийся в III в. кризис Римской империи и сократившийся в связи с этим спрос на вывозившиеся из Мероэ товары — главным образом предметы роско-

ши, наконец, рост могущества племен блеммиев и нобатов, препятствовавших торговле, — все это изолировало Куш от Средиземноморья. Кроме того, отмечает автор, роковым образом сказалось и дальнейшее ухудшение природных условий, связанных с расширением Сахары.

Упадок в хозяйственной сфере, естественно, привел к потере политического могущества. Из Южного Кордофана появляются племена «черных ноба», постепенно захватившие исконные территории Мероэ. И царь Аксумы, расширившие свои притязания на Восток, сталкиваются в стране Касу, как показывает аксумитская надпись IV в., уже не с мероитянами, а с ноба, которые терпят страшный разгром от Эзаны в середине IV в. Этим временем и принято датировать конец существования Мероитского государства, что принято и в периодизации автора.

Причины гибели Мероитского государства, приведенные автором, весьма весомы. И хотя политической историей Куша занимались неоднократно, в том или ином аспекте, с большей или меньшей полнотой, многие исследователи упрощали историю страны в последний период и пытались объяснить гибель Мероэ каким-нибудь одним обстоятельством. Несомненной заслугой И. С. Кацнельсона является попытка объяснить гибель государства комплексом безусловных обстоятельств экономического и политического характера.

Однако заключительный раздел рассматриваемой главы, который озаглавлен «Мероитское царство. Второй период: начало упадка и гибель (конец I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)» в целом не выглядит доказательно.

Речь идет, как видно, о том же времени, к которому относятся установление, расцвет и упадок Римской империи. Период, исторически слишком большой, чтобы быть однозначным, подобного предедента неизвестно для всей территории римского мира — от Боспора до Иберии. Может быть, это особенность чисто африканская? Тоже нет. Географическая зона, в которой находится «остров Мероэ», не только географическая, но и культурно-историческая область, единство которой прослежено еще с неолита, область, населенная от Атлантики вплоть до Нила, насколько можно проследить вглубь, негроидным народами, получившая у арабов название «Билад эс-Судан» — «страна черных» (отсюда современные названия: Западный Судан — до оз. Чад, Восточный Судан и название страны, на территории которой археологи находят памятники Куша, — Судан). Исследуемый период для всей этой зоны — период экономического подъема, в частности, обусловленный, очевидно, притоком производительных сил с территории Сахары. Высыха-

⁵ Доклад будет опубликован в готовящемся к печати «Мероитском сборнике».

⁶ I. Hoffmann, Der sogenannte omphalos von Napata (Boston M. F. A. 21. 3234), JEA, 56, 1970, стр. 187-192.

⁷ B. Davidson, Civilisation of Kush, «West African Review», L., 1962, vol. 33, № 412, стр. 23; P. Shinnie, Meroe, Civilisation of the Sudan, L., 1967.

ние Сахары и образование пустыни, начавшееся в III тыс. до н. э., прогрессировало постепенно, но с нарастающей быстротой, что и заставило в конечном итоге жившее там население, земледельцев и скотоводов, мигрировать в суданскую зону⁸. В это время в суданском поясе закладываются основы будущих могучих империй, снабжавших Западную Европу золотом вплоть до открытия Америки. А на западном конце пояса, на территории Мавритании, в этот период возникает первая «страна золота» — Гана⁹.

Теперь посмотрим, как рисуется экономическое и международное положение Мероэ конца I в. до н. э. — III в. в самой книге. Материал собран в соответствующем разделе (как и в других разделах книги) очень полно и добросовестно, поэтому, полемизируя с выводами автора, можно ограничиться только им же собранными данными.

Период начинается правлением царицы Аманшакете (12—2 гг. до н. э.); она была погребена в пирамиде, размеры которой и найденные в ней сокровища свидетельствуют о богатстве царского дома. Далее автор отмечает, что и «при преемниках царицы Аманшакете — царе Натакамани и его супруге Аманитере (2 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — Мероэ продолжало пожинать плоды мира и благоденствия» (стр. 230), ссылаясь в подтверждение этого на пирамиды и свидетельства бурной строительной деятельности. При Шеракаре (23—28 гг. н. э.) и его преемниках автор тоже не находит признаков упадка. «В первые два века продолжается строительство дворцов и храмов, а пирамиды царей мало уступают по величине тем, что строились при их более сильных предшественниках» (стр. 235). И это не только в центре государства.

Раскопки провинциальных городов и некрополей тоже рисуют картину процветания. Погребения рядовых кушитов и знати первых веков н. э., открытые к югу от Махарраки (т. е. от римско-мероитской границы), отличаются от погребений южной, римской области Египта, Додекасохьяна, не только обрядом, но и богатством и разнообразием инвентаря (стр. 233 и 240—241). То же можно сказать об открытых поселениях и крепостях этой области (стр. 240 сл.). И вот заключение самого автора: «Нужно признать, что находившаяся под контролем Куша часть Северной Нубии была засе-

лена довольно густо... II в. н. э., очевидно, был периодом наивысшего расцвета расположенных здесь городов и поселений» (стр. 243). Кроме того, первыми веками нашей эры датируются мероитские поселения и вещи мероитского производства, открытые к югу и юго-западу от «острова Мероэ». Именно к первым векам нашей эры относятся также многочисленные находки, свидетельствующие о постоянной торговле с Римской империей, и данные о связях с Передним Востоком, Индией и Китаем. Далее, именно в этот период, как показывает автор, происходит окончательное оформление мероитской культуры, впитавшей египетские, эллинистические, римские и восточные элементы.

Античные письменные источники этого времени, правда очень скудные, свидетельствуют об активной внешней политике царей Мероэ: в частности, о неоднократном обмене посольствами между Римом и Мероэ (упоминаются «великий посол» Мероэ в Рим, посол Мероэ в Рим); известно также, что мероитская царица оказала помощь и поддержку экспедиции, посланной Нероном на юг Судана. Богатства Мероэ были настолько привлекательны, что Нерон вынашивал планы завоевания страны и, вероятно, направил туда экспедицию в целях разведки.

А в середине II в. кушиты, воспользовавшись неурядицами при Антонине Пие и Марке Аврелии, продвинулись вплоть до I шорога, где поставили свой гарнизон, а несколько позже даже захватили Фивы (стр. 243). И хотя римляне вскоре вновь заняли прежние позиции, сам по себе этот факт доказывает силу Мероэ. Последний засвидетельствованный письменными источниками эпизод в римско-мероитских отношениях — посольство в Рим царя Такеридеамани, отправленное в 253 г. Вот как оценивает сам автор период правления Такеридеамани (246—266 гг.): «Видимо, в это время мероитские цари не испытывали нужды в средствах. В течение двух лет клир храма Исиды получил от Такеридеамани и некоторых его приближенных 20 талантов серебра и золота и золотых вещей общим весом 16,5 фунтов» (стр. 244).

Наконец, самый подробный, согласно автору, письменный источник по Мероэ, роман Гелиодора «Эфиопика», написанный, вероятно, во второй четверти III в., рисует могущество и блеск Мероитского царства. Этот роман, хотя и содержащий присущие художественному произведению особенности, в том числе многочисленные заимствования у авторов эллинистической эпохи, сообщает, однако, живые подробности мероитского быта, которые ранее никем не были описаны и лишь недавно подтверждены археологическими раскопками, и также столь

⁸ В настоящее время Сахара наступает на юг со скоростью 1 км в год.

⁹ С. Я. Берзина, Предпосылки образования древней Ганы, «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

детальные географические описания, подробных которым не появлялось вплоть до середины XIX в. Речь идет, таким образом, о сведениях по Мероэ, почерпнутых Гелиодором «из первых рук», — может быть, от римских послов или экспедиций его времени. И наиболее важна гелиодоровская оценка Мероэ, вполне совпадающая с данными новейших археологических исследований.

Все изложенное свидетельствует, таким образом, что говорить об упадке Мероэ ранее последней четверти III в. нет никаких оснований. Самые первые признаки оскудения, которые находит автор, относятся только к IV в. Оно было связано, как справедливо указывает И. С. Кацнельсон, прежде всего с наступлением мигрирующих в долину Нила племен и походами аккумских царей. Но миграция в долину Нила из районов с наиболее тяжелыми климатическими условиями, в пограничном египетско-суданском районе, началась, как показывают источники, не ранее второй половины III в., а о времени прихода ноба на «остров Мероэ» ничего не известно: впервые и единственный раз они засвидетельствованы, притом как население Касу, в стеле Эзаны, т. е. в середине IV в. Эзана, живший в первой половине IV в., уже в самых ранних надписях именуется себя правителем Касу; очевидно, этот титул он получил по наследству. Действительно, при раскопках Мероэ была найдена победная стела какого-то царя «аккумитов и хьмьяритов». Известны еще два граффити на геэз, которые принято связывать с походами аккумитов (предшественника Эзаны или самого Эзаны). Датировать стелу неизвестного царя принято самым концом III или началом IV в.

Таким образом, материал, собранный в самой книге, показывает, что упадок Мероэ начался не ранее второй половины III в., а гибель этого царства не могла произойти ранее середины IV в.

Выводы же автора по этому последнему вопросу противоречивы. Как уже говорилось, давая общую хронологическую схему (стр. 116), автор датирует гибель Меропитского царства серединой IV в., однако на стр. 256 рецензируемой книги мы читаем: «Очевидно, Мероэ был завоеван аккумитами до 340 г. Таким образом, опровергается обычно принятая для этого события дата — середина IV в.», но далее на стр. 257: «Поэтому надобно полагать, что конец Меропитского царства следует отнести к 330—340 гг. н. э.». Относительно же города Мероэ на стр. 76—77, анализируя результаты экспедиции Ганского университета в 1965 г., автор пишет: «Одна из расчищенных груд шлака показала, что выплавка железа продолжалась до VIII в. н. э. и, следовательно, после падения Меропитского царства его бывшая столица не была полностью заброшена», а на стр. 258:

«Что касается самого города, то он, очевидно, был окончательно разрушен лишь в V в.».

Таким образом, ясно лишь одно: город Мероэ продолжал существовать и после IV в., причем здесь жило то же самое население, практиковавшее традиционные меропитские ремесла и традиционный обряд погребения — захоронение на ложе (стр. 258).

Основная часть Мероэ никогда не раскапывалась, так как она занята живым городом. Раскопаны только некоторые храмы, дворцы и три некрополя, которые были основательно разграблены еще в древности, причем систематические раскопки города прекратились полвека назад. Однако все известные материалы свидетельствуют, что жизнь в городе продолжалась и после похода Эзаны. Новые свидетельства дали разведочные раскопки экспедиции П. Шинни, получившей ряд датировок по C₁₄. В настоящее время следует, очевидно, считать, что город Мероэ продолжал существовать как город меропитян (или их прямых потомков) еще и в VIII в. Но это было уже не могучее суверенное государство, а страна, подчиненная Аксуму. Преемники Эзаны, как и он сам, носят титул владык Касу. Мероэ, как считает И. С. Кацнельсон, в это время распалось на отдельные области во главе с царьками и племенными вождями. Трудно определить, какую роль здесь играли пришлые элементы. Как видно из обнаруженных памятников материальной культуры и искусства, указывает автор, местные традиции не только были унаследованы, но и продолжали развиваться.

Более того, «не исключена возможность, — пишет автор, — что последние представители правившей династии, спасаясь от врагов, нашли вместе со своим ближайшим окружением и какой-то частью своих подданных убежище в прилегающих к западу областях — в Северном Кордофоне и Дарфуре» (стр. 259). Это предположение было выдвинуто А. Аркеллом на основании устной традиции живущих в этих областях племен и отдельных археологических находок. И. С. Кацнельсон перечисляет данные Аркелла, а также приводит еще целый ряд материалов, подтверждающих эту гипотезу. Автор, конечно, прав, считая, что «только дальнейшие археологические изыскания в этом почти не изученном в археологическом отношении районе могут принести окончательное решение проблемы» (стр. 259). Но уже и сейчас в свете данных, собранных И. С. Кацнельсоном, от этого направления нельзя отмахнуться. Сама идея представляется чрезвычайно плодотворной для африканистики в совершенно не решенном еще вопросе о путях, носителях и времени распространения ряда идей и факторов материальной культуры египетско-кушит-

ского происхождения в Западном Судане.

Глава VII («Экономика») представляет собой опыт изучения экономики Куша. Эта глава имеет принципиальные значения для определения исторического места Куша. Скрупулезно собранные разнообразные данные, методологически верная их интерпретация позволили автору без малейших натяжек показать отнюдь не вымышленную могущественную державу, оказавшую влияние на судьбы древнего мира.

Автор показал, что хотя Куш в течение многих веков был одним из основных источников обогащения сокровищницы египетских фараонов и богатые залежи драгоценных металлов и камней в его недрах породили легенды о сказочной Нильской Эфиопии, подавляющее большинство населения Куша жило в бедности. В Куше было очень мало плодородной земли: только отдельные небольшие участки между первым и пятым порогами, чья площадь с течением времени сокращалась под натиском пустыни, и «остров Мероэ», более изобильный тучными лугами, чем плодородными полями. Основным занятием населения Куша поэтому было скотоводство, а ирригационное земледелие играло лишь подсобную роль; с началом нашей эры сравнительно большие площади отводились под хлопок, который к IV в. стал, видимо, одним из основных предметов экспорта.

Основой могущества царей Куша была добыча золота.

По подсчетам, которые приводит И. С. Кацнельсон, Куш в древности дал 1 600 000 кг чистого золота. Наличие многочисленных месторождений золота и его экспорт во многом определяли отношения Куша с Египтом и Римом. При этом, замечает автор, «столь значительная добыча золота, благодаря чему господствующие слои населения могли получить все им необходимое, не прибегая к усиленной эксплуатации рядового населения, возможно организованного в общины, благоприятствовала стабильности родоплеменных отношений и вместе с тем задержала развитие производительного хозяйства. Так по крайней мере было в Мали¹⁰ в XIV в., стабильно напоминающем Мероэ» (стр. 299).

Кроме того, Куш наряду с Синаем был основным поставщиком меди в Египет. Искусство выплавки меди жители Куша, очевидно, заимствовали из Египта. Древнейшие свидетельства металлургического производства на территории Куша, пзв-

стные в наше время, открыты в поселении к северу от египетской крепости Бухен. Это поселение было основано еще в период II династии, и медеплавильное производство процветало в нем длительное время.

Находки медных и бронзовых предметов в Куше последующего времени показывают, что мастера Куша, вероятно при более широких возможностях использования металла, превосходили египтян по количеству, качеству и ассортименту изготовленных ими предметов. Очень наглядную картину в этом отношении дает Восточный некрополь Кермы.

Мероитский период истории Куша — это время железного века. Отдельные железные вещи и оружие встречаются в царских погребениях Куша еще начиная с пирамиды Тахарки (689—663 гг. до н. э.) и какой-то царицы, его современницы. Вероятно, эти вещи были захвачены в столкновениях с ассирийцами, побеждавшими Египет. Судя по тому, что упомянутые выше вещи, как и другие единичные находки из гробниц последующих правителей Напаты, были обложены золотой фольгой, к железным изделиям относились как к предмету роскоши. Необходимость владения железным оружием стала очевидной после похода в Куш Исамметиха II в 591 г. до н. э., когда отряды карийских и греческих наемников нанесли поражение правителям Напаты и на севере страны расположились греческие гарнизоны. Древнейшие слитки железа, обнаруженные в Куше, напоминают по форме и длине греческие, павкратийские, слитки. Таким образом, считает автор, техника выплавки железной руды и изготовления железных орудий пришла в Куш из Египта, где выплавка и обработка железа начинаются не раньше VII в. до н. э., а полный переход от бронзы к железу завершается лишь в греко-римскую эпоху. Куш не отстает от своего северного соседа. Повсеместное распространение железоделательного ремесла в Куше, по мнению автора, начинается в IV в. до н. э. К аналогичным выводам приходит и А. Аркелл в специальном исследовании, посвященном истории железоделательного производства в Судане, которое вышло в свет уже после окончания работы И. С. Кацнельсона¹¹.

В общем же, как справедливо замечает И. С. Кацнельсон, в свете имеющихся в наше время данных следует считать, что железо пришло в долину Нила из первоначального, азиатского центра металлургии. Поэтому не следует распространять на Мероитское царство

¹⁰ Мали — знаменитая средневековая империя Западного Судана, образовавшаяся в VIII в. Ее местоположение в общем совпадает с современной Республикой Мали.

¹¹ A. Arkell, The Iron Age in the Sudan, «Current Anthropology» (Chicago), 1966, 7, 4, стр. 451—452.

гипотезу У. Клайна о самостоятельном возникновении железоделательного производства в Африке, что само по себе требует доказательств. Также как необъективная отвергается автором теория Г. Масперо и Ф. фон Лушана о том, что египтяне познакомились с выплавкой железной руды в Куше. Четкая позиция автора, впервые обобщившего материал по всему комплексу железной металлургии Куша, представляется очень важной, так как вопрос о происхождении и распространении железной металлургии на Черном материке — один из принципиальных вопросов древней истории Африки. Работы, связанные с этой проблемой, появляются все время. Очень характерна в этом отношении с точки зрения позиций африканских ученых большая статья сенегальского историка Л.-М. Диоп¹². Она считает, что железная металлургия самостоятельно возникла в Африке, конкретно в долине Нила, как результат высокого развития медно-бронзовой металлургии. Она обращается за подтверждением своей мысли к Геродоту и нескольким археологическим находкам. Что касается Геродота, то приводимые места (Herod., II, 86; 125) доказательством явно быть не могут, как и отдельные поделки из метеоритного железа в геразийский период. Также ничего не доказывают кусочки железной руды из памятников Древнего царства. Но кроме того Л.-М. Диоп ссылается на надписи стелы из нубийского песчанника, открытой в нескольких километрах к северу от Асуана, которая свидетельствует, что железная руда из этого района обрабатывалась древними египтянами в период XVIII династии (около 1500 г. до н. э.).¹³ Эта стела, очевидно, должна привлечь внимание египтологов. Во всяком случае, идею о самостоятельном очаге железной металлургии в Африке нельзя отметить с порога, но вопрос этот, как принято считать в советской африканистике, требует дальнейшего изучения и веских доказательств.

Что не вызывает сомнений — это то, что Мероэ, если причислить его к Черной Африке, является здесь древнейшим очагом металлургии. Древнейшие остатки железоделательного производства, открытые на территории гор Мероэ, датируются, по последним радиоуглеродным исследованиям, V в. до н. э. Железные вещи, развалины мастерских и кузниц, кучи шлаков открыты в целом ряде мест

Куша. В самом же Мероэ на окраинах города шлаки образуют целые холмы. На вершине одного из них не позднее I в. до н. э. был сооружен «Львиный храм». Холмы шлака, холмы, образовавшиеся из развалин плавильен, кузниц и жилищ древних металлургов Мероэ, производят столь сильное впечатление, что за городом закрепилось название «Бирмингема Черного континента»¹⁴. Собранные данные позволили автору сказать: «Не подлежит теперь никакому сомнению, что в Мероэ находились одни из крупнейших центров выплавки железной руды не только Африки, но и всего древнего мира». Хотя вопрос был ясен, кажется, еще в 1912 г., необходимость обобщения материалов, разрозненных по общим работам и отчетам археологических экспедиций, продетанного И. С. Кацнельсоном, становится очевидной, когда сталкиваемся с попыткой извести Куш до положения дикой страны на египетской периферии. Такая тенденция тоже существует в работах западных ученых. Яркий пример тому — недавняя статья Г. Амборна¹⁵. Собрав все известные находки железных изделий в трех некрополях Эль Курру, Нури и Мероэ, незначительные по количеству, ссылаясь на отсутствие открытых плавильен и кузниц, Амборн пришел к выводу, что в Мероэ вообще не было железной металлургии. Найденные вещи получены из Египта, а шлаки — остатки каких-то других производств. Здесь мы сталкиваемся не только с порочной методикой, но и просто с незнанием материала.

Исследования археологов и этнографов показали, что искусство обработки железа распространилось из Мероэ на юг и на запад. В суданской географической зоне древниками Мероэ в этом отношении были древние культуры Сао (северная область озера Чад), Нок (Средняя Нигерия) и средневековые цивилизации в бассейне рек Нигера и Сенегала.

Далее автор показывает, что основные статьи экспорта и импорта Куша составляли предметы роскоши. Вывозили кроме драгоценных металлов и камней еще эбеновое дерево, слоновую кость, живых экзотических животных, ароматические вещества и лекарственные растения, хлопок, рабов. На юг к окружающим племенам шли ремесленные изделия, главным образом из железа. Ввозили драгоценную утварь, украшения и предметы искусства из стран греко-римского мира (в Куше открыты изделия, сделанные в Риме и

¹² L.-M. Diop, *Metallurgie traditionnelle et âge du fer en Afrique*, «Bulletin de l'Institut fondamental d'Afrique Noire» (Dakar), ser. B, 1968, 30, № 1, стр. 10—38.

¹³ Диоп ссылается на «Actes des Congrès international de géologie», 1948, 18-е section, L, 1952, ч. 3, стр. 6.

¹⁴ Определение принадлежит А. Сейсу, 1912 г.

¹⁵ H. Ambrun, *Die Problematik der Eisenverhüttung im Reich Meroe*, «Paideuma» (Wiesbaden), 16, 1970, стр. 70—95.

Александрии, Мавритании и Сирии). Торговой артерией страны был Нил.

Торговля, международная и внутренняя, играла очень незначительную роль в экономике страны, где господствовало натуральное хозяйство и натуральный обмен; собственной монетной системы не было.

Подводя итог, автор в порядке гипотезы считает возможным утверждать, «что экономика царств Напаты и Мероэ находилась примерно на той же стадии, которая была характерна для некоторых ранне-рабовладельческих государств Востока на первых порах их развития, например Египта».

Восьмая глава книги рассматривает общество и государство в Куше. Первые исследования по политической организации Напаты, предпринятые Максом Мюллером и Эд. Мейером, рассматривавшим Куш как египетскую периферию, привели их к выводу, что Напатское государство было продолжением фиванского жреческого государства, теократией. Уже Б. А. Тураеву было ясно, что Напатское царство отнюдь не представляет только «сколок с Египта», но чем-то существенно отличается от него. Разработка этой темы, начатая автором еще в 1947 г., дала совершенно оригинальное исследование¹⁶. Результаты этого исследования подтверждаются каждым новым открытием в данной области.

Анализ стел местных царей и сведений античных авторов в сочетании с использованием археологического материала и этнографических параллелей позволил установить своеобразие государственной структуры и общественных отношений Куша. Институт царской власти в Куше носил на себе следы первобытности. Здесь существовала система престолонаследия, при которой: 1) круг возможных претендентов ограничивался, как правило, братьями царя, претендентом второй очереди был старший сын брата (так, например, из 27 царей, правивших до Настасена, 14 были братьями); 2) царю должны были быть присущи определенные качества, прежде всего физические; 3) при избрании царя значительную, если не решающую, роль играл руководимый жрецами оракул; 4) преемник умершего царя утверждался войском, т. е. взрослым мужским населением.

¹⁶ В 1965 г. появилась статья Б. Хейкока («Comparative Studies in Society and History» (Cambridge), 1965, № 4, стр. 461—480), который фактически повторяет ряд положений, выдвинутых И. С. Кацнельсоном в его уже опубликованных к тому времени работах. Б. Хейкок выдвигает эти положения как совершенно новый результат собственного анализа. См. по этому поводу письмо М. А. Коростовцева в редакцию журнала и ответ Б. Хейкока (1970, № 4).

Как и у других древних народов, царь в Куше считался вместилищем божественных предков народа, от физического благополучия которого зависело благополучие страны. Царю воздавались божеские почести, а одряхлевшего или больного царя надлежало убить. Приговор выносили жрецы, и это вынуждало царя считаться с ними. Развитие государственности привело, естественно, в конфликту царей с жрецами, и царь Аркамон (Эргамен), получивший, между прочим, греческое образование, перебил жрецов и отменил институт ритуального убийства царей.

Вторым лицом в государстве была мать царя — *кандака*. Известны и случаи правления царей.

Каждая из черт этой системы известна то для одной, то для другой из стран древнего Востока, но в целом наиболее близкие аналогии дают соседние африканские народы.

В Куше наряду с царем существовали племенные вожди и царьки, возглавляющие племена, которые зачастую отличались друг от друга обликом, этнической принадлежностью, языком и бытом. В стране не было необходимости в создании единой оросительной системы, как в Египте, что и предопределяло постоянное существование центровых сил. Царям Напаты и Мероэ приходилось вести непрерывные войны. Существовали постоянные отряды, охранявшие царя и столицу. В случае нужды к оружию призывалось все взрослое мужское население. Комплектование производилось по территориально-родовым и сельским общинам.

Основными производителями в Мероэ были крестьяне-общинники. Землей практически владели отдельные семьи и роды, в стране господствовали нормы обычного права.

Труд рабов имел в Куше сравнительно ограниченную сферу применения. Очевидно, их использовали при строительных работах царей и вельмож, при проведении оросительных сооружений. Что касается применения рабов в частных хозяйствах, то, как показывают надписи, число рабынь, используемых в доме и для пополнения гаремов, преобладало над числом рабов.

Все это позволяет автору определить Напатское и Мероптское царства как ранние рабовладельческие деспотии, сохранившие черепитки первобытнообщинного строя.

В заключение И. С. Кацнельсон рассматривает проблемы наследия Куша для Африки. Напата и Мероэ, показывает он, были не только проводниками достигнутый древнего Египта, но в первую очередь самостоятельными центрами цивилизации Африки. Автор намечает пути изучения взаимодействия народов долины Нила и других районов Африки.

Книгу завершает библиография (1110 названий) и, что очень приятно отметить, указатель собственных имен и географических названий.

Отдельные отмеченные нами недостатки не снижают значения книги, которая является весьма ощутимым вкладом в африканистику. Это фундаментальная работа, на которой, очевидно, будет строиться дальнейшее изучение Куша. С точки зрения изучения древней истории Чер-

ного континента при современном состоянии этого изучения появление труда И. С. Кацнельсона позволяет получить первую твердую опору для изучения истории Африки к югу от Сахары. Таким образом, значение книги для историков древнего мира вообще и африканистов особенно трудно переоценить.

С. Я. Берзина